

Последнее желание ведьмы

Автор:

[Александра Плен](#)

Последнее желание ведьмы

Александра Плен

Я не хотела становиться ведьмой, но моего согласия никто не спрашивал. Я не хотела влюбляться, это произошло само собой. Я не хотела никого убивать, но ведьмовская сила по-другому не умеет. Я не хотела мести, но разве можно предательство оставить безнаказанным?

Александра Плен

Последнее желание ведьмы

Глава 1

– Мы нашли ведьм, мастер! – мужчина в шерстяном камзоле, расшитом золотым кантом, до этого времени стоявший к нам спиной, обернулся, и я увидела, как хищно блеснули его глаза.

– Да не ведьмы мы... – устало отозвалась Яна тихим голосом, раз в двадцатый за последний час повторяя одно и то же молчаливым верзилам, которые упрямо вели нас сюда, к огромной развернувшейся на многие мили вокруг грандиозной стройке, иногда понукая грубыми тычками в спину.

Я заинтересованно осмотрелась. Впереди, на холме, возводили замок. Пока он поднялся лишь до второго этажа, но и сейчас было видно, что сооружению предстояло быть величественным и претенциозным. Повсюду сновали многочисленные рабочие, скрипели телеги, доставляя камень и бревна, строились какие-то более мелкие сооружения, конюшни, амбары и прочее. Размах стройки захватывал, я ни разу в своей жизни не видела столь колоссального действия.

– Наконец! – азартно потер руки мужчина. – А я уж думал, вы их никогда не найдете.

Он был каким-то странным. Слишком роскошно одетым для грязи, царящей вокруг, слишком веселым и жизнерадостным против хмурых лиц наших конвоиров, слишком нетерпеливым и таинственным.

– И для чего вам нужны ведьмы? – поинтересовалась я хмуро, особо не беспокоясь: интуиция молчала, да и доказывать что-то было бесполезно. Сами виноваты.

Три дня назад мы – Яна, Майя и я – приехали в этот провинциальный городок с милым названием Малинки, решив немного отдохнуть и подзаработать. До нашего конечного пункта – столицы – оставалось пару дней пути. Точнее, в Корнол направлялась я одна, девчонок подобрала по дороге.

Яну я нашла в убогой грязной таверне, избитую за какую-то незначительную надуманную провинность. Хозяином таверны был ее деверь, старший брат покойного мужа. Она рассказывала, что пока был жив муж, тоже, кстати, совсем не добряк, если и поколачивал, то не слишком часто, еще можно было как-то терпеть, а когда его не стало – пьяным утонул в речке, – жизнь для молодой женщины превратилась в кошмар. Когда я предложила ей бросить все и уйти со мной, она с радостью согласилась. Сама бы никогда не решилась – с детства живя в деревне, она даже за границу провинции не выезжала.

Красавицу Майю мы обнаружили на опушке леса, когда решили передохнуть, голодную, исцарапанную и заплаканную. Девушка сбежала из дома накануне свадьбы. Мачеха за долги отдавала ее шестидесятилетнему купцу, похоронившему до нее четверых жен. Сбежать-то сбежала, но, оказавшись в лесу, сразу же заблудилась и запаниковала. Тем не менее от предложения

проводить ее назад домой она категорично отказалась, заявив, что лучше отправится с нами.

Вот так мы и начали путешествовать вместе.

Стена с объявлениями у ворот порадовала. За несложную работу давали огромные деньги. Нам бы хватило и на гостиный двор, и на еду, и на дорогу до столицы.

«Требуются ведьмы для долговременной очистки амбаров от крыс и мышей. Оплата – три золотых».

Вот так мы втроем и стали ведьмами. Я знала нужные травы, Яна прекрасно умела мастерить приманки и ловушки. За два дня от грызунов не осталось и следа. Купец побоялся спорить с тремя решительными девицами, именующими себя ведьмами, и отдал нам золотые без вопросов. Мы заселились в лучший гостиный двор, собираясь хорошенько отдохнуть, отмыться, отъестся, отоспаться, не подозревая о слухах, которые уже расползлись по городу.

Купец постарался или наша выходка в таверне – не знаю. С Майей у нас регулярно были проблемы, где бы мы ни появлялись. Точнее, не с ней, а с ее красотой. Мужчин разных мастей, сословий и возраста, как мотыльков на свет, тянуло в ее сторону. Вот и позавчера, когда мы зашли пообедать, местный великовозрастный детина, уверенный в своей неотразимости, сел за наш столик и принялся грубо заигрывать, заказывая угощения, выпивку, оглашая зал пошлыми непристойностями.

Не раз и не два мы с Яной вежливо просили его нас покинуть. Майя, как делала обычно в таких случаях, скукожилась в углу, стараясь не поднимать голову. Мы всегда ее усаживали к стене после случая недельной давности, когда один неадекватный мужик за руку рывком выдернул ее из-за стола и потащил на второй этаж. Еле отбили.

Наше терпение иссякло, когда парень принялся протягивать руки к Майе через меня. Я схватила кружку с морсом и выплеснула ему в лицо, одновременно сталкивая с лавки. Тот упал на спину, вскочил и взревел дурным голосом.

«Сейчас будет драка», – подумала обреченно, но вдруг раздался громкий треск, и с потолка на голову бедняги упала балка, неслабо стукнув по темечку. Парень вырубился. В зале разлилась оглушающая тишина. Из-за стойки медленно вышел хозяин таверны, до этого умело притворявшийся глухим и слепым, когда мы просили его приструнить зарвавшегося посетителя.

– Ах вы, ведьмы проклятые! Я только ремонт сделал! – заорал он.

Торопливо бросив пару монет на стол, я потянула подруг на выход. Слава Дзуликому, стукнутый застонал, а то уж думала, что придется отвечать еще и за смерть незадачливого кавалера.

Убрались мы из таверны быстро и после этого случая питались в своей комнате, покупая продукты на рынке. Нас боялись трогать, но я была уверена: в глубине души хозяин гостиного двора считал минуты до момента, когда мы уберемся.

Нет, ведьм давно уже не сжигали на кострах и не мучили в застенках. Время свирепой инквизиции прошло. По слухам, последнюю ведьму показательно сожгли где-то около ста лет назад. После этого, если ведьма заслужила, ее арестовывали и тихо-мирно казнили. Говорят – гуманно. Но откуда же нам знать правду?

Простые обыватели относились к ведьмам настороженно. Опасались, но если нужно, то и на работу нанимали, и помощи просили. Да и ведьм в последнее время стало гораздо меньше, чем в былые темные времена. То ли они стараются не высовываться, то ли действительно вымерли.

А сегодня утром на выходе из гостиного двора нас встретили четверо вооруженных головорезов бандитской наружности и «пригласили» уважаемых ведьм следовать за ними. Яна принялась объяснять, что мы назвались ведьмами, чтобы заработать денег, но те не слушали, только уперто подталкивали в спину.

Моя безотказная интуиция молчала. Я чувствовала, что впереди нас ждала какая-то мелкая неприятность, не смертельная, поэтому и не стала сильно уж возмущаться. Было с чем сравнить. Например, около трех месяцев назад, еще когда я путешествовала одна, она меня уберегла от смертельной опасности. Прекрасно помню, как шла просить работу на постоялом дворе и спотыкалась на каждом шагу. А когда добралась до нужной улицы, то и вовсе упала на ровном

месте, ободрав ладони до крови. Нет же, я упрямо встала и пошла вперед. Деньги кончились, я даже продала накануне несколько мелких украшений, подаренных Агатой. Думаю, до конечного пункта все равно бы не дошла, ногу сломала или еще что, а так обошлось малой кровью. Меня просто облила грязью из лужи проехавшая мимо карета. Да так основательно, что чистилась и сушилась я до следующего утра. А утром узнала, что в таверне, куда я направлялась, произошел пожар из-за взорвавшегося котла и все, кто был внутри погибли, не успев выбраться. Так что интуицию после того случая я не игнорирую.

– Я величайший архитектор королевства! И вы мне поможете создать лучшее творение! – пафосно заявил мужчина, не ответив на вопрос, а нагнав еще больше туману. – Наследный лорд дал мне полную свободу действий. Приказал сделать все для того, чтобы его замок стал самым величественным, неприступным и несокрушимым! Использовать для этого любые способы...

Он еще что-то вещал, а я напряглась от страшного подозрения. На задворках памяти мелькнуло воспоминание о древнем поверье, прочитанном в одной из книг: если замуровать ведьму в фундаменте, то здание простоит вечно. Нет, этого не может быть! Он же не сумасшедший, чтобы такое придумать!

– Мы никуда не пойдем, пока нам все не объяснят! – твердо произнесла я, шагнув ближе к девчонкам, беря Яну и Майю за руки. Архитектор, уже было направившись к замку, удивленно обернулся. Очередной грубый тычок в спину от охранников переполнил чашу терпения. Наша тихая, робкая Майя, измученная тяжелой дорогой и постоянными, как бы между прочим, щипками конвоиров, слетела с катушек, заорав:

– Да! Мы ведьмы! И мы сейчас проклянем вас так жутко, что у вас ноги поотсыхают и кишки вылезут наружу!

«Вот зря она это сказала!» – только и успела подумать я, как голова взорвалась от страшной боли и в глазах потемнело.

Очнулась я в кромешной тьме от чьего-то жалостного стога. Руки были связаны за спиной, во рту – кляп. Я наклонила вперед голову и уткнулась лбом в холодный влажный камень. Ширина проема около полуметра. Неужели нас действительно замуровали? Мракобесие какое-то. А выглядел приличным человеком. Архитектор, Мрак его раздери... вместе с налордом и его замком.

Было пыльно и душно. Нам в какой-то мере повезло. Простенок был узким, но так как мы лежали без сознания, то дышали слабо. Но это ненадолго...

Кляп содрать было несложно. Другое дело – руки. Их я уже не чувствовала.

– Майя? Яна? Вы живы? – прохрипела я сипло.

– Угум, – рядом зашевелилась... похоже, Яна. Она была гораздо крупнее Майи и пахла по-другому. Точнее, не пахла вовсе. А вот Майя, убегая из дома, не забыла прихватить с собой, в том числе, пару флаконов духов. Станный выбор, я бы лучше взяла лишние ботинки.

Склонившись к девушке, я на ощупь нашла на ее лице повязку и стянула зубами вниз.

Чувства обострились. Кромешная тьма сдавливала со всех сторон, вызывая необъяснимый ужас, закладывая уши, приподнимая волоски на коже. Я пыталась взять себя в руки и не слишком паниковать, но получалось плохо. Голос жалобно дрожал, выдавая меня с головой.

– Майя? Ты здесь? Отзовись.

Тихий, едва слышный стон раздался чуть дальше. Мы с Яной распутали руки друг у друга и поползли на четвереньках искать подругу. Связали нас кое-как, то ли торопились, то ли считали, что обморок продлится дольше и воздух закончится.

– Где я?! – воскликнула Майя, как только мы ее развязали и растормошили. – Что происходит?! Яна! Мили!

– Майя, успокойся, – произнесла тихо я, – нас замуровали, но мы обязательно выберемся. Раствор еще свежий, если мы упремся ногами и оттолкнемся, то, думаю, кладка рассыплется. Ты только не истери. Береги воздух. Не хотелось бы, выбравшись, опять попасть в руки безумному архитектору. Посидим как можно дольше, пока не начнем задыхаться, и приступим к освобождению.

Мой спокойный, уверенный голос помог. Майя успокоилась, выпрямилась и привалилась к моему плечу. С другой стороны прижалась Яна. В нашей маленькой команде я была лидером, даже при том, что Яна меня старше как минимум на пять лет. Девчонки слушались меня беспрекословно, иногда даже пугала их слепая вера в мою правоту.

Определить, где сырая кладка, а где нет, было проще простого – и по запаху свежего раствора, и по его влажности.

Я мысленно отсчитывала минуты. В том, что удастся выбраться, я даже не сомневалась. Интуиция сказала – мелкие неприятности, значит, мелкие, и точка! И только когда голова начала кружиться от нехватки кислорода, я попросила девчонок сесть рядом со мной, упереться ногами в старую кладку, а спиной в новую и на раз-два оттолкнуться как можно сильнее.

Мы вывалились в полутемную пустую комнату. Я неудачно проехала спиной по острым граням камней и неслабо ее ободрала. Платье сзади сразу же стало мокрым от крови. Кряхтя, встала и огляделась.

В комнате, слава Двухлицкому, никого не оказалось. В центре стояли мешки с сухим раствором, ведра с водой, валялись грязные инструменты, словно впопыхах забытые строителями. Тусклый свет падал из узкой щели почти под потолком. То ли окно в будущем, то ли вентиляция.

«Спешили убраться побыстрее», – со злорадством подумала я.

В нижней части стены, за которой нас замуровали, зияла большая дыра. С ней нужно было что-то делать. Не успела эта мысль сформироваться в голове, как дверь в подвал открылась, и внутрь вошел худощавый парень.

– А вы что здесь делаете? – удивленно поинтересовался он, вытаращив глаза. – Как вы сюда пробрались?

Я быстро схватила его за руку и впихнула вглубь комнаты. Не хватало, чтобы он начал кричать и звать на помощь.

– Ты нам лучше расскажи, что происходит! – прошипела ему в лицо, хватая за грудки. – У вас архитектор – маньяк? Или сумасшедший? Ты с ними заодно?

Парень непонимающе помотал головой.

– В смысле маньяк? Кто вы такие?

– Мы, так сказать, ведьмы понарошку. А ваш архитектор пытался замуровать нас в стене замка, – отозвалась зло Майя, отряхиваясь. Парень, как замороженный, уставился на девушку. Мы с Яной переглянулись. Так всегда. Стоит кому-нибудь увидеть Майю – и все, человек пропадал. Даже сейчас, чумахая, в пыли и растворе, она выглядела как принцесса. Хрупкая, белокурая красавица, только что вырвавшаяся из лап чудовища.

– Нет... я ничего не знал... случайно проходил мимо и услышал шум... – начал блеять он, запинаясь на каждом слове. Ошарашенный взгляд парня остановился на черной дыре за нашими спинами.

– Больше никто не слышал? – быстро поинтересовалась я.

– Нет... Все спят, а строители живут в бараках далеко отсюда, у реки.

– Удачно ты нам подвернулся, – я потеряла руки. Парень дернулся и уставился на меня испуганными глазами. – Да не ведьмы мы, успокойся... Поможешь заложить проем в стене. Ты же в курсе, как месить раствор? Как, кстати, тебя зовут?

– Пит... – закивал головой он. – А зачем?

– Затем, – рявкнула я раздраженно, – чтобы ваш маньяк-архитектор не начал искать других ведьм на замену нам, когда увидит, что мы сбежали. А так будет уверен, что мы внутри, и продолжит спокойно строить свой замок.

– Ясно... Конечно, помогу, – парень бросился к ведрам и мешкам. Яна вызвалась ему помогать, сказав, что, живя в селе, научилась и класть стены в том числе. Я же, разглядев в углу среди хлама сваленные в кучу наши вещи, распотрошила свой баул и принялась переодеваться в чистое платье. Майя помогла перевязать израненную спину.

Через пару часов мы осмотрели комнату. Стена выглядела коряво, но если не присматриваться, то сойдет. Скорее всего, архитектор или сам нас замуровывал, или поручил это головорезам. В любом случае они делали все впопыхах и кое-как. Как и мы.

В конце перед тем, как Пит положил последний камень, я просунула свое окровавленное платье в дыру.

– Хотел крови ведьм – получай, – пробормотала зло. Девчонки удивленно на меня уставились, но промолчали. Не с собой же его забирать? Повредила спину лишь я одна, Яна и Майя отделались царапинами.

– Вещи придется бросить. Заберем только самое ценное, – я перетряхнула свой баул и вытащила шкатулку, которую забрала после смерти Агаты, и мешочек с золотыми. Удивительно, но те были на месте. Побоялись брать ведьмины деньги? Или оставили разграбление на потом?

Когда все были готовы, Пит повел нас к лесу, в обход барakov.

– Подождите меня, – мрачно сказал он, – пойду с вами. Сбегаю за вещами и заодно напишу записку мастеру с просьбой об увольнении. Не хочу больше работать под его началом. Если он такое творит...

Питер оказался кладезем информации, и денег в том числе. Он был из богатой семьи, не титулованной, конечно, но имеющей вес в обществе и деньги на обучение отпрысков в престижных школах. В этом году Пит окончил одну из таких, и первой его должностью стала должность помощника знаменитого столичного архитектора Пауля Янковича.

Как он радовался, не передать словами. «Ровно до того момента, пока не встретил нас», – подумала я мрачно, вполуха слушая его звонкий мальчишеский голос.

– Архитектор сейчас самая престижная профессия, – разглагольствовал он, размахивая руками. – Папа сказал, что я никогда не останусь без работы.

Неудивительно. Когда двадцать лет назад столицу нашего королевства перенесли в Корнол, бывшую ранее пустынной местность начали активно застраивать. И этот замок неизвестного душегуба один из многих, которые, я уверена, вырастут следом за столицей. Все больше и больше людей перебирались на юг. Старая столица – Выгреб – осталась далеко на севере, покинутая и королевой, и высшей аристократией. Я миновала ее еще полгода назад, когда путешествовала одна, быстро, почти не задерживаясь, интуитивно чувствуя опасность.

Жаль, очень хотелось пожить в Выгребе дольше, посмотреть на старинную архитектуру города, знаменитый королевский дворец, которому пятьсот лет, памятники, храмы. Там еще жили люди, работали фабрики, учебные заведения. Но потихоньку жизнь уходила из Выгреба. Я видела мусор на центральных улицах, нищих бродяг, которых уже не гоняют жандармы, брошенные дома, разграбленные магазины. Грустное зрелище. В маленьких поселках и деревнях не так сильно чувствовалось запустение, как в огромном городе.

Мы шли по лесу, параллельно основному тракту. Питер пообещал нанять карету. Где-то поблизости, как он уверял, должна находиться почтовая станция. Стояла глубокая ночь, но было тепло. Такое забытое чувство, даже странно. Большую часть дороги я мерзла, только оказавшись здесь, в провинции Астана, отогрелась. Любимую лисью шубу я продала странствующим торговцам месяц назад за жалкие десять серебряных. Прискорбно, но куда деваться, носить не могу – жарко, тяжело, неприятно, а в сумке она занимала много места.

Пит предложил нам пожить некоторое время в доме его родителей, в Лютне. Городок находился недалеко от столицы, и мы не стали возражать. Думаю, его желание было продиктовано не только сочувствием и жалостью. Он просто не хотел отпускать Майю. Всю дорогу он не сводил с нее глаз. Да и она, наконец, перестала ежиться от мужского внимания, как делала всегда. Возможно, потому, что Пит был с ней почти одного возраста, лишь на пару лет старше.

– Наследный лорд, наверное, расстроится, если узнает, – вздыхал он. – Королева подарила ему часть провинции, сделав наместником.

– Кто у нас налорд? – без интереса поинтересовалась я. В простонародье наследных называли налордами, а ненаследных – нелордами. Типа последние никогда не станут главами родов. Глупо и смешно, конечно, пора отвыкать от плебейских замашек, все-таки в столицу еду.

– Разве вы не в курсе, чей это замок? Знаменитого Ярослава Вышинского, главного дознавателя, – ответил Пит.

Откуда мне знать? Десять лет я прожила в глухом селе, а Агата мало рассказывала о столичной жизни.

– В следующем году он женится. Уже и помолвка состоялась с наследной леди Фредерикой. Замок строят для молодой пары... – не умолкал парень.

«Значит, женится... – мысленно хмыкнула я, – что ж, желаю счастья в семейной жизни. И пусть жена будет под стать ему. Такая же... – я хотела ругнуться, но в последний момент сдержалась, – как он».

Пальцы закололо иголочками. Нет, нужно держаться! Голубое небо, голубое платье, голубые глазки...

Я глубоко вдохнула теплый летний воздух, наполненный запахом разнотравья, и медленно выдохнула. Какое мне дело до далекой богатой сволочи вместе с его невестой и архитектором-маньяком? Больше я в Малинки ни ногой.

Как и собиралась, осяду в Корноле. Говорят, там приветствуются переселенцы, до сих пор идет строительство школ, больниц, жилых домов, нужны и рабочие, и обслуга, и торговцы. За двадцать лет пустырь превратился в большой город, разросшийся вокруг королевского дворца, построенного на берегу реки Равки, впадающей в Южный океан. Королева любит теплый климат, а настоящее тепло сейчас только здесь, на юге. Север почти опустел. Холод выгнал из домов всех – и молодых и стариков. Остались лишь лесорубы и те, кто промышлял охотой на пушных зверей.

Мы с Агатой жили на западе, в Битках, посередине, между Выгребом и северной границей королевства. В той стороне еще оставались вполне жизнеспособные деревеньки. Лето было коротким и не слишком жарким, но еды хватало. Лес давал дичь, грибы, ягоды. На огородах росли овощи, деревья было достаточно

для обогрева, а травы – для коз.

Да, если бы дед прошлого короля не развязал войну с кочевниками и не захватил южные степи, жить сейчас королеве было бы негде. Старая граница проходила чуть севернее провинции Астана, в которой мы сейчас находились. На самом деле завоевывать там никого особо и не пришлось. По степям бродили разрозненные племена, а на берегу океана обосновались пираты. Так что никто серьезного отпора хорошо обученной армии не дал. Пираты перебрались на острова, степнякам пришлось ассимилироваться.

Странно. Еще тысячу лет назад здесь была безжизненная пустыня. А сейчас – даже небольшие лесочки выросли. Есть и озера и реки...

– Удивляюсь, – продолжал тархтеть Питер, отвлекая меня от грустных мыслей, – как вам удалось пробить такую толстую стену! Там же было около полуметра камня. Какие у вас сильные ноги!

– Мы долго путешествуем, – отозвалась безразлично я.

Глава 3

Увы, ноги были ни при чем. Я задействовала не только их. Перед толчком я прокляла раствор за нашими спинами, и он рассыпался пеплом, поэтому камни выглядели чисто, словно и не были обмазаны смесью. Надеюсь, никто не приглядывался в темной комнате.

«Никому и никогда не рассказывай, что ты ведьма, – постоянно твердила Агата. – Со стороны не видно – девушка как девушка, ничего особенного. Даже мужу и лучшим подругам. Никому! И будешь жить спокойно, счастливо и долго».

Почти год я иду в Корнол, перебиваясь случайными заработками в тавернах и гостиных дворах. Еще в юности у меня обнаружился весьма полезный талант (в дополнение ко всему остальному) – я прекрасно готовлю, интуитивно зная, какие специи, приправы добавлять в блюда, сколько времени тушить мясо, чтобы оно стало мягким и нежным, и много всего другого.

«Ведьмы вообще талантливы во всем, – учила Агата, – нет ничего, что бы они не умели. Если будешь держать язык за зубами, хорошо устроишься».

И правда, где бы я ни работала поваром – отпускать меня не хотели, предлагая повышение жалованья, отдельную комнату и даже, однажды, руку и сердце.

Но я шла в столицу, туда вела меня интуиция. Да и Агата все время твердила, что в ней легче затеряться, чем в провинциальном городке, где все на ладони.

– А сколько вам лет? – Пит все не успокаивался, любопытный какой. К Майе обращаться он стеснялся, поэтому донимал нас с Яной.

– Майе семнадцать, Яне двадцать шесть, мне... – я на секунду задумалась, – двадцать два.

Наверное.

На самом деле я не знала свой точный возраст. По привычке прибавляла пару-тройку лет, потому что выглядела старше, еще и с полоской седины в волосах. Десять лет назад меня в лесу нашла Агата, и с этого момента началась моя осознанная жизнь. Она сказала, что на вид мне было около восьми-десяти, значит, сейчас – двадцать плюс-минус.

Мне повезло. Точнее, уже тогда, видимо, проявилась знаменитая ведьмовская интуиция. Потерявшись в огромном лесу, тянущемся на многие сотни миль, я вышла точнехонько к охотничьему домику Агаты, которая как раз в тот день приехала поохотиться. Делала она это несколько раз в году. Несказанное везение, не правда ли?

Я не замерзла, хотя была легко одета. Меня не разорвали дикие звери, а их было полно в той части леса, не поранилась и не заболела. Удивительно, да и только.

Агата стала для меня сокровищем. Богатая вдова лорда Яковецкого, эксцентричная, умная, образованная шестидесятилетняя женщина научила меня всему. Я была чистым листом – не помнила ни своего имени, ни родителей, ни обстоятельств появления в глухой чаще. Не умела ни читать, ни писать, ни говорить.

Потом, спустя годы, она заявила, что я сама, точнее моя ведьмовская удача, притянула ее ко мне.

- Как? - смеялась я. - Ты же приехала в Битки за пять лет до нашей встречи!

- Чтобы подготовиться к твоему появлению.

После смерти мужа Агата уехала из столицы в дальнюю провинцию, взяв с собой лишь золото, преданных слуг и несколько породистых лошадей. Построила добротный двухэтажный особняк в Битках, небольшой деревеньке, приютившейся на окраине огромного леса, и стала жить в свое удовольствие.

- Хватит мне этикета и лживой морали, - поговаривала она, приводя в дом очередного любовника из простых, - наелась ими в столице.

Я только весело хмыкала. Выглядела она для своих шестидесяти с хвостиком преотлично, была энергична, подтянута, темпераментна и жизнерадостна. Я обожала ее.

Агата поселила меня в своем доме, наняла в соседнем городке учителя для обучения чтению и письму, потакала всем моим желаниям, превратив в этукую милую игрушку, что-то вроде домашнего питомца. Даже первое время не давала мне нормального имени, называя Милашкой.

Все изменилось в один момент спустя два года.

Однажды, когда я вернулась домой после игр с сельскими детьми в саду, Агата взяла за руку и повела в кабинет. Посадила перед собой и начала серьезно говорить, глядя в глаза.

- Я стала догадываться о твоей сути несколько месяцев назад. Помнишь дождь? - я неуверенно пожала плечами. Какой еще дождь? Не люблю дождь. - Мы с тобой не пошли гулять из-за него, ты пожелала, чтобы он перестал. Он тотчас перестал, хотя предполагалось, что небо затянет на неделю. А щенков Розочки? - я непонимающе хлопала глазами. - Тебе нравились белоснежные, и они все родились белыми, без единого пятнышка! Все семеро!

Ну и что тут такого? Я по-прежнему не понимала, куда она ведет.

– Много было других подтверждений, – продолжала она нелепый разговор. – Я наблюдала и приказала слугам докладывать обо всех странных вещах, происходящих с тобой. Нет, – она взмахнула рукой в ответ на мои нахмуренные брови, – они преданы мне и будут держать язык за зубами. Тем более вряд ли они поняли, что произошло.

– А что произошло? – буркнула я недовольно.

– Произошло то, что сегодня ты перешла черту, – хмуро ответила Агата, – из-за тебя пострадал человек. Мартин сломал ногу. А мог бы спину и тогда остался бы прикованным к кровати на всю жизнь.

– Он сам упал! – воскликнула я обиженно. – Я ни при чем! Все видели – я стояла далеко!

Вопиющая несправедливость – на глаза навернулись слезы.

– Спокойно, – Агата ласково погладила меня по руке, – ты не виновата, это твоя сущность.

Я еще раз хлюпнула носом и подняла голову, уставившись благодетельнице в лицо. Какая еще сущность?

– Ты ведьма, девочка, – серьезно произнесла она, – нет-нет. Сначала выслушай меня. Не перебивай.

Я вся сжалась от страха. Ведьма? Что за бред? В Битках жила ведьма, баба Матрена, мы с друзьями иногда бегали ее дразнить. Она помогала повитухе, лечила скот, давала разные настойки от простуды. А еще она была старой, безобразной и седой. А в книжках вообще ведьмы были самыми злобными существами на свете, насылали болезни и непогоду, проклинали хороших людей, те умирали.

И... ведьм сжигали на кострах! Я не такая! Я маленькая девочка. Какая из меня ведьма?!

- Вы играли, кто выше залезет на дерево. Мартин оказался проворнее и забрался на самую верхушку, ты разозлилась. Люсиль стояла рядом с тобой и слышала, как ты раздраженно пробормотала: «Вот бы ты оттуда свалился»... и Мартин упал.

- Нет...

- Да, Милашка, - грустно покивала головой Агата, - теперь тебе придется очень сильно постараться, чтобы сдерживать свои порывы. Не раздражаться, не злиться, не гневаться... Это будет очень трудно, у тебя впереди сложный возраст, но мы обязательно справимся. У меня есть кое-какие книги...

После этого разговора моя жизнь круто поменялась. Я больше не играла с детьми, Агата даже уволила учителя правописания от греха подальше, хотя на моей памяти он лишь однажды обжегся горячим чаем, и то сам виноват... Наверное...

Агата принялась учить меня сама. Она отправила гонца в свой старый дом в Выгребе и приказала привезти все книги, которые там остались. Их было немного, самое ценное забрали в новый особняк в Корноле, но мне хватило и того.

Целыми днями я просиживала в ее кабинете. Женщина была неумолима - образование прежде всего! «Чем выше твой потенциал, воспитание, развитие, чем гибче ум, тем легче будет сдерживать низменные порывы».

Меня стали называть Мили или Милена Яковецкая вместо Милашки, но песенка, которую Агата придумала для меня в детстве, осталась прежней.

«Голубое небо, голубое платье, голубые глазки у девочки Милашки,

Ах, как она танцует! Ах, как она поет, от ее улыбки солнышко встает...»

Теперь всегда, когда я только чувствую, как раздражение поднимается изнутри, мысленно произношу считалку, отвлекаясь. Помогает.

На самом деле глаза у меня были серыми, не голубыми. На фоне темных волос, бровей и ресниц они смотрелись необычно. А еще я не пела и уж точно не

танцевала. Агата как-то, дурачась, показала несколько па, но полноценного обучения танцам и игре на музыкальных инструментах у меня не было. На мои возражения по поводу недостоверности песенки Агата отмахнулась и заявила, что у меня отсутствует воображение и я ничего не понимаю в поэзии. По-моему, она тоже в ней слабо разбиралась, но песенка прижилась.

От Агаты я узнала, что ведьмами не рождаются, ими становятся. Только женщины. Пережив страшное испытание на грани невозможного. Поэтому в тяжелые, бедственные времена ведьм появлялось больше, в благодатные – меньше.

– Тебе очень повезло, что ты ничего не помнишь, – говорила благодетельница. – Почему в своем большинстве ведьмы злобные и мстительные? Потому что становятся ими через жуткую боль, предательство, разочарование и тому подобное. И первым порывом ведьмы становится месть обидчику или обидчикам. Поэтому частенько ведьм казнили за массовые убийства и смертельные проклятия...

Она много знала, моя умная, образованная, взбалмошная леди. Но, увы, про ведьм сведений не было даже у нее. Лишь древние легенды, слухи и кое-какие рассказы очевидцев, так же подкрашенные вымыслом. Ведьмы отказывались сотрудничать. Они или уходили в глухие леса, чтобы тихо жить, или мстили, уничтожая целые поселки. Тогда их быстро казнили, как бешеных собак, чтобы не успели натворить дел.

– Но есть и много положительных сторон в твоей сути, – подбадривала она меня, когда я окончательно расстраивалась от всей этой кошмарной информации, – все желания ведьм исполняются. По крайней мере, так говорят. Проклятия, кстати, тоже. Но, – она подняла палец, – если не будешь использовать ведьмовскую силу для убийств или чего такого, проживешь долго и счастливо. Я слышала: ведьма сохраняет красоту и молодость до самой старости, не подвержена никаким болезням...

– А почему тогда наша баба Матрена не красавица? – поинтересовалась я. – По твоей логике, она должна быть богата и удачлива.

– Потому что она не ведьма, – вздохнула вдовствующая леди и, видя мои удивленные глаза, пояснила: – Настоящих ведьм единицы. Об этом знают

немногие. Именно настоящим ведьмам дается великая сила. А глупая чернь называет ведьмами всех, кто живет одиноко, странно выглядит, умеет лечить травами.

Пусть Агата и убеждала, что никто не сможет разглядеть во мне ведьму, я твердо поняла одно – нужно держать язык за зубами. Стать холодной, безэмоциональной, не подверженной страстям. Иначе, если я случайно разозлюсь, из-за меня может пострадать человек. Тогда и мне настанет конец.

Мартин выздоровел, но остался хромым. Когда я видела, как он ковыляет по улице, в моем сердце расцветала боль. Из-за моей глупости, из-за неосторожного слова мой друг остался калекой на всю жизнь. Он, конечно, улыбался и шутил, но угрызения совести разъедали отравой. Я поклялась себе, что больше никому и никогда не причиню вреда.

Я стала бояться сказать лишнее слово, бояться радоваться или огорчаться. Я постоянно держала себя в тотальном контроле, не общаясь даже со слугами. Мои друзья из местных решили, что я загордилась и они стали мне не интересны. Я игнорировала приглашения на ярмарки, игры, совместные походы в лес за грибами. И, в конце концов, меня перестали звать. Я решила, что так даже лучше.

Год назад Агата погибла. Она всегда была слишком безрассудна и упряма. Охотилась на диких зверей, прыгала через барьер, объезжала лошадей. Вот и в тот памятный день она села на необъезженного жеребца в свои-то семьдесят лет. Он понес, женщина свалилась и сломала шею. Смерть была быстрой. Наверное, она не хотела, как все старушки, умереть в кровати, поэтому выбрала такой способ.

Незадолго до этого благодетельница сказала, что переписала завещание и оставила мне дом в Битках и немного денег. Увы, я их не дождалась.

На похороны приехали трое ее сыновей с женами и детьми. Они жили в столице и не показывались у матери годами. Пока я им не мешала, они меня не замечали, считая заботу о потерявшейся сиротке блажью престарелой матери.

Но после похорон решительно выставили за дверь, дав забрать лишь личные вещи и шкатулку с подарками Агаты на десять моих дней рождения,

предварительно ее просмотрев и не увидев ничего ценного.

После этого началось мое длинное путешествие в столицу, подходящее к концу.

Глава 4

В доме Питера мы прожили неделю. Два его младших брата сейчас учились в Корноле, поэтому родители парня, умирая со скуки в пустом доме, с радостью приютили нас.

Мистер Троп был мэром городка, его жена – дочерью купца. Деньги в доме водились, а главное – в нем процветали гостеприимство, радушие и теплота. Мы, наконец, отъелись, отоспались, приоделись. Так как почти все вещи были потеряны, пришлось заказывать новый гардероб.

– Ничего не хочу слышать! – заявила госпожа Троп, оплачивая наши покупки. – Я всегда хотела дочку, а родились трое мальчишек. Дайте хоть раз купить девичьи платья.

Конечно, они сразу заметили особое отношение Питера к Майе. Только бы слепой не увидел пламенных взглядов парня в ее сторону. И когда перед нашим отъездом Майя пришла в мою комнату и, запинаясь, поведала, что Питер предложил ей руку и сердце, я не удивилась.

– Что ты ответила? – поинтересовалась с улыбкой.

– Согласилась, – робко прошептала Майя, словно извиняясь.

– Отлично!

На самом деле я была рада, что все так разрешилось. Майя не была приспособлена к дороге. Она была домашней девочкой, воспитанной, тихой и скромной. Оставляя в хороших руках, я была за нее спокойна.

– Вы же приедете на свадьбу? Думаю, примерно через месяц, – Питер сиял от счастья, впихивая нам листок с почтовым адресом и заодно мешочек с деньгами. – Обязательно напишите, где остановились, мы пришлем приглашение.

Мы с Яной сели в дилижанс, отправляющийся к столице. К вечеру должны прибыть в Корнол. Что делать дальше, мы не загадывали, скорее всего, будем искать работу. Яна заметно нервничала. Выросшая в глухом селе, она опасалась столичной жизни, множества людей, шума и внимания к себе. Она не знала, как себя вести, ей не хватало ни образования, ни смелости, ни словарного запаса.

Зато она была очень трудолюбивой, выдержанной и, главное, молчаливой. Вот мы и молчали с ней всю дорогу. Я, зная свою суть, старалась ни с кем не сближаться и не открывать душу. Она в силу своего воспитания робела, почему-то определяя меня как высокородную даму, хоть я не раз и не два говорила, что из простых.

Дилижанс прибыл в столицу глубокой ночью. Возница высадил нас на окраине. Мы сняли крошечную комнату с одной кроватью в придорожной таверне, перекусили на скорую руку и завалились спать. А рано утром отправились искать стойку с объявлениями о найме. Оставшиеся у нас деньги плюс те, которые Питу удалось нам впихнуть, скоро закончатся. Мы уже почувствовали на себе дороговизну жизни в столице, отдав за неделю постоя целый золотой.

Стена пестрела приколотыми бумажками. В несколько едален требовались повара, подавальщицы и мойщики посуды. Мы сорвали три адреса, купили за пару медяков карту Корнола и двинулись в центр, решив пройти пешком, заодно и осмотреться. Интуиция помалкивала, я сделала вывод, что мы идем в правильном направлении.

В первой едальне нам с Яной сразу не понравилось – грязно, шумно, воняло табаком и прокисшим пивом. Мы даже не встретились с хозяином, нам было достаточно вида посетителей. Во второй за двенадцатичасовой труд платили сущие гроши даже по провинциальным меркам. Оставалась третья. Она находилась чуть дальше, на противоположном конце Корнола, но мы с Яной решили дойти, все равно гуляем.

Едальня оказалась закрыта. На двери висела табличка – государственный арест за неуплату налога.

Расстроенные, мы побрели обратно. Ноги отваливались, на очередном перекрестке я увидела миленький парк со скамейками и фонтанчиком.

– Присядем, отдохнем, – я кивнула в его сторону. Мы зашли вглубь и уселись, вытянув ноющие ноги. Столица нам понравилась. Людей на улицах было немного, сами улицы просторные, идеально чистые. Здания в основном в несколько этажей, с черепичной крышей, большими окнами, палисадниками во дворах. Все было новым и опрятным. Неудивительно, городу всего двадцать лет.

Вдруг за спиной раздалась мелодичная трель. Я обернулась посмотреть, что там за птичка, и увидела в глубине парка скрытое за листвой небольшое двухэтажное здание с выставленными перед фасадом столиками. Все четыре пустовали. Над входом висела перекошенная выцветшая вывеска «Кондитерская». Меня словно магнитом потянуло к ней. У входной двери трепыхался крошечный листочек: «Требуются работники. Оплата по договоренности».

«Почему бы и нет?» – подумала я и толкнула входную дверь. Интуицию я с недавних пор слушаю беспрекословно, и она привела меня сюда.

Заведением владела госпожа Лисицына, вдова пятидесяти лет. Ей было тридцать, когда она, муж и двое детей переехали в быстроразвивающийся городок на окраине королевства. Женщина была полна сил и энергии. Сначала их дело процветало, затем один за другим сыновья разъехались, муж умер от сердечной жабы, и женщина осталась совсем одна. Постепенно кондитерская пришла в упадок. Здание нуждалось в ремонте, ассортимент не обновлялся лет пять, помогала ей всего одна служанка, почти подросток, ничего не умеющая, только бить при мытье посуду и глупо хихикать.

– Мы согласны получать процент от выручки, – произнесла я в конце хозяйкиного монолога о бедственном положении кондитерской. – Будьте уверены, через месяц от посетителей не будет отбоя.

Женщина только скептически хмыкнула, но на наши условия согласилась.

Спустя год.

– Нет-нет! Я ничего не хочу слышать! – Амалия была неумолима. – Все бумаги я подписала, кондитерская теперь твоя.

– Но вы могли бы просто назначить меня управляющей... – я с улыбкой смотрела на копошащуюся женщину, пересчитывающую чемоданы.

– А вдруг бы мои дорогие сыночки после моей смерти выгнали тебя? И продали кондитерскую – дело всей моей жизни?

Старший из дорогих сыночков, плотный видный мужчина с окладистой бородой, стоящий неподалеку, только скептически ухмыльнулся. После долгих уговоров Амалия, наконец, согласилась уехать к нему в Розалин, что в соседней провинции. Городок стоял на берегу моря. Семья Лисицыных владела несколькими торговыми шхунами и занималась поставкой и продажей пряностей. Прибыльное занятие – я оценила и богатый экипаж, запряженный двумя породистыми лошадами, и массивную золотую цепь на шее, и бархатный камзол с вычурными пуговицами. Недавно у мужчины родился сын, третий по счету, и бабушка была бы очень кстати.

– Сколько там мне осталось, – пробормотала Амалия, рассеянно похлопывая туго набитый бок чемодана. – А так я буду спокойна за свою кровиночку, оставляя ее в хороших руках. Я собиралась закрыть кондитерскую еще год назад, как раз перед вашим появлением. А теперь посмотрите, что с ней стало.

Она выпрямилась и с улыбкой оглядела здание.

Не скажу, что оно сильно уж поменялось за прошедший год. Мы смогли только перекрыть крышу и покрасить стены в приятный бледно-розовый цвет. Столиков на улице прибавилось, и теперь они все были заняты. Внутри места было не так уж много, поэтому зимой мы работали в основном на вынос. Зато летом...

– Ладно, – сын взял Амалию под руку и кивнул своему слуге на чемоданы, – поехали уже, мама. А то ты до вечера будешь собираться.

Мы еще раз обнялись с бывшей хозяйкой. На глазах у Яны блестели слезы. Я, по привычке, сжала ладони в кулак, сдерживая эмоции, стараясь не показать волнения. Решение Амалии оставить мне кондитерскую стало огромной неожиданностью. Да, за год прибыль возросла десятикратно, и все благодаря мне, но такой дорогой подарок...

Если бы я не работала как проклятая весь год, то можно было бы сказать, что мне опять повезло. Не знаю, сработала бы ведьмовская удача, если бы я сидела сложив руки и плевала в потолок, или нет. И не хочу знать. Я никогда не отлынивала от работы и привыкла добиваться всего сама, а не уповать на какую-то мифическую ведьмовскую силу.

Здание кондитерской было построено двадцать лет назад на маленькой улочке под названием Солнечная, тогда южной окраине Корнола. Сейчас наша улица окраиной уже не считалась, но и до центра, где располагался королевский дворец и все административные учреждения, было не далеко. Амалия с мужем и детьми переехала сразу же после того, как перенесли столицу. Построила двухэтажный домик, вложив все деньги, которые привезла с собой, и открыла на первом этаже сначала пекарню, а потом кондитерскую. Зал для посетителей был небольшим и занимал половину первого этажа. Внутри стеклянной стойки располагалась витрина, где выставлялись пирожные и торты, за стойкой – дверь в кухню. На втором этаже находились три спальни и крошечная комната, совмещающая в себе и кабинет, и гостиную, и библиотеку.

Одну спальню заняла я, другую Яна, а третью мы отдали под кладовку. Места катастрофически не хватало, и не только для дополнительных столиков.

Чем дальше я жила в столице, тем больше убеждалась, что правильно сделала, приехав сюда. Мне очень нравился город. Яркий, молодой, стремительно развивающийся, он был похож на юную любопытную кокетку, впервые вышедшую в свет, игриво завлекающую кавалеров улыбками и флиртом. Он пах свежей краской, новизной и цветами, они повсюду здесь росли – в кашпо, висевших у входа, на маленьких клумбах, во двориках, парках.

Зима здесь была мягкой, весна и осень – приветливыми, а лето изумительно жарким. Для меня жизнь без меховой одежды зимой была странной и непривычной. Как же хорошо, что предыдущие правители позаботились о будущем и завоевали эти земли. В газетах часто писали о голодных бунтах в соседних северных королевствах. Несколько лет подряд неурожаи и лютые зимы

заставили беженцев искать убежище в южных государствах. К нам тоже бежали. Королева была недовольна. Приказала закрыть границы, а тех, кто все же пробрался, не пускать ниже Выгреба.

Но пока в Корноле все было тихо и спокойно, хотя иногда в газетах проскальзывали пугающие слухи о грядущей войне с севером. Вроде несколько королевств объединились и собирались пойти на юг всей мощью. Мы считались одним из самых богатых государств, но такую силищу даже мы не смогли бы сдержать. Помощи ждать неоткуда – за нами располагался огромный Южный океан, а граничащие на востоке и западе дружественные королевства сами страдали от набегов северян.

Почему изменился климат, что произошло – никто не знал. Ведь еще несколько сотен лет назад все было хорошо – я читала хроники. С каждым годом все короче становилось лето и длиннее зима, на том месте, где еще недавно цвели сады и зеленели луга, сейчас лежал снег. В храмах воспевали Двуликого, взывая к его милости, прося помощи, но, кажется, Бог давно забыл про нас.

Меня, само собой, волновала возможная война. Но север, как и снег, был далеко, Корнол жил весело и беззаботно, и мы вместе с ним.

Яна стала незаменимой помощницей. Она не умела придумывать новые рецепты, как я, или создавать затейливые украшения для тортов и пирожных, но зато умела скрупулезно следовать написанным мной указаниям и выполнять их в точности. Ее выпечка была абсолютна идентична. Даже у меня не получались одинаковые эклеры, один чуть больше, другой чуть меньше, крем тоже не везде ровно ложился, но у нее...

В ответ на мое восхищение она криво улыбнулась:

– Деверь бил меня по рукам палкой, если мои грядки уходили в сторону или швы на его рубашке были не под линейку.

Берта осталась на подхвате. Она повзрослела и стала не такой неуклюжей, довольно резво разносила тарелки и напитки, успевая улыбаться и кокетничать с посетителями. В общем, я была довольна своим устройством в столице. Агата не обманула – ведьмовская удача работает.

У меня даже появился кавалер – начальник местного отделения жандармерии, тридцатилетний капитан Андре Гаяч.

Но первой с ним познакомилась Яна. Получилось забавно.

Я отправила ее в ателье на рынке, чтобы заказать форму для работников. Во многих приличных заведениях подавальщицы, повара и даже управляющие были одеты одинаково. Выглядело строго и солидно. А так как я хотела вскоре превратить кондитерскую в заведение первого класса, нужно было соответствовать. Золота дала немало, но через час Яна приехала назад в украшенной королевскими гербами карете, вся в слезах.

Из кареты ее вывел незнакомый мужчина, одетый в форму.

Оказалось, ее ограбили прямо на улице, виртуозно вытащив кошель из внутреннего кармана. Истерика девушки привлекла внимание жандармов, те ее отвели в отделение, где сам начальник принял показания Яны и заверил ее, что подобные происшествия в его районе редкость.

Подруга была ужасно расстроена, мы лишились огромной суммы денег. Само собой, я не собиралась ее ругать. Усадила за столик и попросила БERTУ принести чай с мятой.

– Это могло случиться с каждым, – успокаивала ее я, умолчав, что со мной такого бы не произошло. Хотя Агата советовала мне иногда притворяться, что несчастья и меня не обходят стороной. Случайно что-то потерять, споткнуться, удариться. Чтобы ни у кого не закралось подозрение о моей ненормальной удаче.

– Мы обязательно найдем воришку, – за спиной раздался твердый, уверенный голос. Я обернулась и встретилась глазами с темноволосым мужчиной. Он по-солдатски щелкнул сапогами и поклонился. – Позвольте представиться, Андре Гаяч, начальник южного отделения королевской жандармерии.

Я вежливо присела, подавая руку.

– Милена Яковецкая. Присаживайтесь, выпьете чаю.

– С удовольствием.

С того дня Андре стал частым гостем в нашей кондитерской. Вора он нашел, и Яне еще раз пришлось идти в отделение на опознание. Большую часть денег вернули, и мы таки заказали форму. Работникам попроще, нам с Яной побогаче. Пусть она считала себя обычной служащей, я выправила бумаги, сделав ее полноправным партнером.

Андре приносил цветы, заказывал у нас торты и пирожные, вечерами, после работы пил чай, занимая ближайший к входу столик. Наверное, я бы еще долго не догадывалась о его чувствах, если бы не Яна.

– А ведь он терпеть не может сладкого, – однажды заметила она, глядя вслед Андре, уходящему с очередным тортом, купленным у нас. Я удивленно обернулась к подруге.

– Почему ты так думаешь?

Яна странно скривилась, грустно и в то же время насмешливо.

– Курьер однажды передал открытку с благодарностью. Угадай, от кого? – я пожала плечами. – От служащих жандармерии. Купленные у нас торты и пирожные он раздает коллегам.

– Зачем он это делает? – фыркнула я. Яна тяжело вздохнула, словно сердясь на мою недогадливость.

– Ты заметила, что когда он сидит в кондитерской, то заказывает минимум сладкого, пьет в основном чай?

– Мне некогда рассматривать посетителей.

– Ты ему нравишься. Очень, – Яна отвернулась и уставилась в окно. – Он смотрит лишь на тебя, следит за каждым твоим движением и приходит к нам не за выпечкой, а только чтобы увидеть тебя.

– Не заметила.

Когда я нахожусь не у печи, то разбираю бумаги в кабинете. Когда привожу в порядок бумаги, сведя выручку с затратами к общему знаменателю, нужно закупать продукты и обновлять с поставщиками договоры. Замкнутый круг, ни одной свободной секунды, а еще нужно посещать рынок, придумывать новые рецепты... Да и вообще – я не считала себя красавицей, одевалась просто и удобно, не улыбалась, не кокетничала, не смущалась, не надевала даже те немногочисленные украшения, какие у меня были.

– Куда тебе заметить! Ты своим хмурым видом кого угодно отпугнешь, – Яна странно говорила, сдержанно, но в то же время настойчиво. – Лишь очень смелый человек может пригласить тебя на свидание. Надеюсь, начальник жандармерии таким окажется.

Я пожала плечами и отправилась на кухню готовить вечерний десерт, но слова Яны крутились в голове весь вечер. А что, Андре – хороший вариант. Мужчина серьезный, привлекательный, ответственный. Я планировала не спешить с семьей. Вот через пару-тройку лет выбрала бы кого попроще, вышла бы замуж, родила девочку или мальчика, а может и двоих. Влюбляться я не планировала. Зачем мне сильные эмоции? Спокойная, тихая жизнь – вот моя цель.

И когда Андре предложил в конце недели отвезти меня в банк, куда я регулярно клала выручку, я не стала отказываться. Обрато мы шли пешком. Я в основном молчала, Андре рассказывал о своей семье, которая приехала семь лет назад из Травки, что севернее Выгреба. Родителям пришлось оставить там все: лавку, дом, друзей. Андре, тогда еще молодой парень, поступил в Корноле на королевскую службу, так как только там можно было быстро подняться по карьерной лестнице и заработать денег. А еще семье жандармов давали служебный дом на окраине и подъемные.

«Из простой семьи, до сих пор живет с родителями – это минусы, – размышляла я, – но... упорный, неглупый, честный. За семь лет сделал карьеру, дослужившись до начальника отделения». Если я стремлюсь к простой жизни – то, что нужно. Я слушала мужчину, а сама мысленно анализировала, холодно и отстраненно. Сердце ни разу не застучало быстрее в его присутствии, теплые чувства не всколыхнули душу. Кто знает, что будет дальше, на свидания можно и походить.

Глава 5

Жизнь текла размеренно и неторопливо. Я уже и забыла о происшествии, случившемся с нами на той грандиозной стройке больше года назад, как оно само напомнило о себе.

Теплым летним днем я сидела в кабинете на втором этаже у открытого окна и проверяла расходные книги. Прибыль радовала. Если так пойдет и дальше, сможем зимой сделать капитальный ремонт и пристроить мансарду по периметру. В банке на этот случай уже лежала кругленькая сумма.

– Сюда, – раздался рядом мужской голос. Наверное, посетители. Уселись за столик под моим окном. – Здесь подают лучшие эклеры в столице. Хотя немного порадуешь себя сладким, а то превратился в самого мрачного типа в королевстве.

Второй голос что-то невразумительно пробурчал.

– Что угодно господам? – кокетливый голосок Берты.

– Десяток эклеров, половину вишневого пирога, большой чайник с мятным чаем и... Что еще посоветуете?

– Сегодня особенно удались ореховый торт и медовые вафли со свежей клубникой, – защебетала девушка.

«Нужно дать ей премию, – мимоходом подумала я, – советует самые дорогие десерты».

– Боюсь, мы лопнем! – рассмеялся молодой человек.

– Что не съедите – возьмете с собой. Мы завернем в пакет с символом нашей кондитерской.

Точно дам премию. Умница. Вчера, наконец, привезли новые бумажные пакеты с изображением цветка ванили и названием кондитерской. Теперь мы будем

узнаваемы во всем Корноле.

Я прикрыла створку окна и вернулась к подсчетам, стараясь не прислушиваться к разговору мужчин. Они начали обсуждать вероломных женщин. То ли они изменили, то ли им. Чепуха несусветная. Через время внимание зацепила странная фраза.

– Мне кажется, замок никогда не закончат, – сердитый голос, немного хриплый. От него почему-то мурашки побежали по спине и волоски на руках встали дыбом. – Я уволил Янковича, нанял другого архитектора, но и это не помогло.

Где-то я уже слышала это имя... Я задумчиво потерла переносицу, поворачиваясь к окну.

– Сколько золота потратил – ты не представляешь! То мрамор привезут другого цвета, то леса завалятся – лошадь понесла, и телега врезалась в опоры, то кровельщик напился и свалился с крыши, переломав кости. Пришлось вызывать лекаря из столицы, а заодно с ним приехал и надзор по безопасности... короче, много всего. Я уже думаю, что мой замок действительно прокляли ведьмы.

Я напряглась. Вот с этого места прошу поподробнее. Встав с кресла, тихонько подошла к окну. Внизу, прямо под моим окном, сидели двое мужчин. Лиц я не видела, только две темные макушки и руки на белой скатерти. Одеты мужчины были очень богато. За время жизни в столице я научилась сходу определять качество ткани, где и у кого был пошит камзол, у какого ювелира заказаны серебряные пуговицы и запонки. И сколько все это добро стоит.

Ничего примечательного – обычные богатенькие представители аристократии. Наша кондитерская за год превратилась в элитное заведение, и я давно не удивлялась шикарному контингенту посетителей. Леди Регина Даниловская, постоянная клиентка, по секрету рассказала мне, что дала рекомендацию «Ванили» на одном из заседаний женского клуба. Теперь леди, наследные и нет, частенько захаживают сюда, приводят мужей, детей, друзей, заказывают доставку пирожных и тортов на семейные праздники.

– Ведьмы? – рассмеялся его собеседник, хлопая ладонью по столешнице. – Откуда ты это взял? Да я за всю свою жизнь не встречал ни одной.

– А я не рассказывал? – хмуро отозвался первый. – В управление доставили анонимное письмо. В нем рассказывали о том, что Янкович нанял наемников, чтобы те нашли ему ведьм.

– Зачем?

– Все талантливые люди с придурью, но Пауль переплюнул всех, – в низком голосе мужчины прорезался смех. Ему смешно??? – Он где-то нашел в книгах легенду, что если замуровать ведьму, то здание будет защищено потусторонними силами и простоит вечно. Захотел попасть в летописи, наверное.

– Что за бред? – хмыкнул собеседник.

– И я о том же... Вызвал на допрос архитектора. Янкович сначала все отрицал, но после очной встречи с наемниками подтвердил: да, в подвале замурованы три ведьмы.

Теперь бы и полный глупец догадался, кто передо мной. Значит, вот ты какой, наследный лорд Вышинский, владелец половины провинции Астана, самый завидный жених Корнола. Лица я не видела, но руки впечатлили. Много чего можно узнать по рукам. Вышинский держал чашку длинными красивыми пальцами с острыми костяшками. Маникюра не было, но ногти были чистыми и коротко остриженными. Сильные широкие кисти с темными редкими волосками выглядывали из-под рукава серого мундира. Мускулы предплечья даже в спокойном состоянии натягивали ткань сюртука.

Анонимное письмо, скорее всего, было от Пита. У него одного из всех нас имеется обостренное чувство справедливости. Тем более его бесценная Майя пострадала и до сих пор плохо спит из-за кошмаров.

– Надеюсь, ты его казнил? – весело поинтересовался его друг. У того руки были более изнеженными, почти женскими – нежными и тонкими.

– Нет. Когда я приказал вскрыть стену, там не было трупов, только окровавленное платье. Как оно туда попало, осталось загадкой. Если женщин замуровали, то как они выбрались? Если нет, то зачем прятать платье?

– И что дальше? – в голосе молодого человека сквозило не наигранное любопытство.

– В итоге я уволил Янковича, пригрозив арестовать, если вдруг надумает сделать что-то подобное еще раз.

– Неужели стало жалко ведьм?

– Что? – хрипло рассмеялся наследный лорд. – Если бы я не был главой сысского ведомства, я бы дал Янковичу награду за избавление королевства от трех злобных тварей. Мир стал бы только чище.

Я развернулась и прижалась спиной к стене, сжимая руки в кулаки, впиваясь ногтями в кожу. «Негодяй! Значит, без меня мир стал бы чище? Голубое небо, голубое платье, голубое солнце... Какое еще солнце?!» Я глубоко, часто задышала, стараясь успокоиться.

– А! Мрак! – вдруг воскликнул мужчина.

Я испуганно выглянула. Неужели... Нет, слава Дзуликому, Вышинский лишь перевернул чашку с чаем себе на брюки. Считай, отделался легким испугом. Нужно уйти в дальнюю комнату, а то вдруг не сдержусь, если еще что-нибудь услышу. Агата мне советовала несколько хороших книг по концентрации внимания, заставила запомнить названия и сказала, что их можно найти в столичной общественной библиотеке. До сегодняшнего дня мне это было ни к чему. Читалочка помогала, но сейчас я поняла, что эмоции все же имеют надо мной власть. Значит, завтра отправлюсь за книгами.

Вынести их мне не позволили, поэтому пришлось выписывать советы в блокнот. Особенно мне понравился один – переключение внимания на главную цель, думать о ней постоянно. Я выбрала свою цель – обновленное здание кондитерской после капитального ремонта. Представляла высокие чистые окна, опоясывающую широкую мансарду, столики, укрытые белоснежными скатертями, расставленные симметрично. Я мечтала так явно, что забывала обо всем на свете, даже иногда слышала запах ванили, разлитый в воздухе. Прекрасный тренинг.

Через неделю, вспоминая о подслушанном разговоре, я только удивленно хмыкала: и что могло меня разозлить? Один болван жаловался другому? Назвал ведьм тварями? Пожелал им смерти? Суеверная чушь! А еще аристократ и друг наследника престола.

Само собой так получалось, что я мимо воли начала интересоваться Вышинским, хотя и не искала целенаправленно информацию о нем. Сплетни ходили самые противоречивые. Его называли выскочкой и бездельником, с одной стороны, трудоголиком и яростным патриотом – с другой. Писали, что должность королевского дознавателя он получил незаслуженно, когда ему едва исполнилось двадцать шесть. Дружба с наследником и протекция королевы вознесли молодого человека, ничего не смыслящего в сыском деле, на самый верх.

Писали, что десять лет назад он рассорился с семьей и перестал общаться с отцом. Уехал из поместья в новую столицу и нанялся служить в королевской охране простым гвардейцем. Что произошло между восемнадцатилетним Ярославом и его родными – остается тайной до сих пор. Лорд Адам Вышинский остался жить в Выгребе, мать главного дознавателя умерла, когда тот был еще ребенком.

По слухам, нашей королеве очень нравились смазливые молодые юноши, фавориты у нее менялись каждый год. Неизвестно, удостоен ли был наследный лорд этой чести или нет, но королева к нему очень благоволила.

А после того, как Вышинский закрыл собой наследника на празднике Восходящего солнца и получил арбалетную стрелу вместо Минелая Гайовы, она щедро наградила спасителя сына, дав ему высокую должность и огромный кусок земли рядом с Корнолом, которая сейчас стоила на вес золота, так как находилась на юге.

Покушение расследовал он же. Это стало первой знаменательной вехой в карьере молодого дознавателя. Писали, что следы заговорщиков вели на север, в королевство Фрамора. Ранее, при покойном короле, наши страны были очень дружны, старшая дочь государя даже вышла замуж за наследного принца Фраморы. Сейчас же северная страна стала злейшим врагом. Мнения раскололись. Половина министров была согласна с Вышинским, половина называла молодого выскочку глупцом, не разбирающимся в политике. Главное – поверила королева, приказала закрыть границы с севером и срочно начала

искать жену своему сыну, которому тогда едва исполнилось семнадцать.

Как оказалось, дело это проблемное. И не только у будущего короля.

Руководитель сыскного ведомства слыл одним из самых видных холостяков королевства, с одной стороны, а с другой – после трех неудавшихся помолвок за ним закрепилась слава проклятого жениха.

Первая невеста, с которой он был помолвлен год назад, сбежала с любовником в соседнюю державу. Вторая незадолго до свадьбы стала жутко набожной и ушла в монастырь. А третья месяц назад попала к королевским лекарям, потеряв сознание на балу во время танца. Оказалось, что она была беременна, но, увы, не от жениха. Вышинский опять был свободен, и журналистам оставалось лишь гадать, на ком он остановит свой аристократический взор и кто станет следующей целью «проклятого жениха».

Если бы я точно не знала, что проклятия не действуют на незнакомцев, я бы подумала, что мое «пожелание» найти невесту под стать, высказанное в раздражении год назад, сыграло с ним злую шутку. Как бы там ни было, надеюсь, мы больше не встретимся.

Глава 6

– Опять они приехали! – срывающимся от волнения шепотом произнесла Берта.

Сегодня за стойкой стояла я, Яну удалось выпихнуть в гости к Майе. Наша третья подруга месяц назад родила первенца и настойчиво приглашала нас в гости. На самом деле я не любила принимать покупателей, за стойкой кафе в основном стояла тихая, приветливая Яна.

– С тобой боятся торговаться, – весело говорила она. – Ты видела, с каким лицом уходил господин Бром? Словно это ты дала ему милость, снизойдя до покупки его специй.

За год жизни в столице она стала уверенней в себе. Теперь девушка не прятала взгляда, не дергалась от громких звуков и иногда даже спорила со мной. В середине весны на жаркий сезон я взяла еще одного повара и двух подавальщиц. И то – работы было столько, особенно в выходные, что все к вечеру падали с ног.

– Кто приехал? – я непонимающе посмотрела за спину Берты.

– Те два красавчика, что были неделю назад, – девушка подпрыгивала от нетерпения. – Они тогда оставили громадные чаевые, даже с учетом того, что один из них пролил чай на брюки.

Так... Только этого не хватало. Что их привело в кондитерскую? Неужели мои эклеры? Я прислушалась к интуиции. Та молчала.

– Я сама их обслужу, – холодно произнесла я и направилась на выход. Берта негодуяще фыркнула и что-то буркнула вслед. Нужно будет поговорить с ней о субординации.

Я решительно взяла курс на стоящий с краю столик, где усаживались двое молодых мужчин. Отважу их от моей кондитерской раз и навсегда. Нечего им здесь делать.

Каждый раз, слыша или читая о наследном лорде Вышинском, я вспоминала архитектора-маньяка, слезы Майи, тот ужас, который мы пережили, замурованные во тьме. Яна тоже до сих пор вскакивает по ночам из-за кошмаров. Ей снится, что ее заживо хоронят. Я так и не смогла ей рассказать о том, что хозяин замка, где нас замуровали, посещал кафе. Надеялась, что тот раз был первым и последним.

И кто же из вас Вышинский? Неделю назад я видела одни темные макушки из окна. Мужчины сидели боком. Один постарше, скуластый и широкоплечий, с хмурым выражением лица, был одет в серый строгий шерстяной костюм без всяких отличий, другой, посимпатичнее, – в коричневую военную форму с золотыми нашивками. Она очень ему шла. Военный, увидев меня, лучезарно улыбнулся.

– Ты новенькая подавальщица? Мы тебя не видели в прошлый раз. Какая хорошенькая, Яр, посмотри...

Мужчина постарше повернулся и окинул меня ледяным взглядом профессионального дознавателя. На своей должности он был всего три года, а взгляд – словно все двадцать. Не знаю, что военный нашел во мне хорошенького. Темно-синее закрытое платье, стянутые в тугий узел на затылке волосы, непроницаемое выражение лица... Улыбаться им я точно не собиралась.

– Мы хотим повторить прошлый заказ, – продолжал тараторить военный, пока главный дознаватель осматривал меня с ног до головы. – Принесите...

– Я не подавальщица, – прервала его я. – Я хозяйка кондитерской. И с глубочайшим сожалением хочу сообщить, что все пирожные, как и торты, закончились.

Военный огорченно застонал, а бровь наследного лорда медленно поползла вверх, придавая лицу скептическое выражение. Он демонстративно проводил взглядом промчавшуюся мимо с полным подносом эклеров Берту.

– Только что, – добавила невозмутимо я.

– А те, что выставлены в витрине? – хриловатый голос Вышинского странно на меня действовал. Хотелось выпустить когти и по-кошачьи зашипеть.

– Они испорчены, – с абсолютным спокойствием ответила я.

Тут уже и военный понял, что происходит что-то непонятное. Он ошарашенно переводил взгляд с моего лица на лицо друга.

– А почему выставляете испорченный товар? Не боитесь штрафа? – поинтересовался дознаватель насмешливо. Стало понятно, почему он возглавляет ведомство. За вопросом в карман не полезет.

– Он и не предназначен для продажи, только для рекламы, – я сложила руки на груди и растянула губы в искусственно вежливой, а скорее, издевательской улыбке. Сказать больше было нечего. Я видела, как Вышинский едва сдерживает

бешенство, но заставить их обслужить не может.

Он резко встал, чуть ли не отшвыривая стул.

– Если вы обойдетесь без наших денег, мы обойдемся без вашей еды, – он что-то вытащил из кармана и бросил мне под ноги. – На чай. Благодарю за обслуживание.

Монета ярко блеснула, по-видимому, это был золотой. И не жалко выбрасывать? Я даже глазом не моргнула, а уж тем более не посмотрела, куда она полетела. На лице застыла приклеенная улыбка.

– Всего хорошего, господа, – мой голос оставался ровен и дружелюбен. Наследный лорд с товарищем вышли за декоративную калитку. Вышинский перед поворотом обернулся и еще раз окинул меня изучающим взглядом. Он еще смотрел, а я нарочито медленно развернулась и направилась в здание кондитерской. Между лопатками закололо. Голубое небо, голубое платье...

– Берта, если хочешь чаевые... где-то там, у пустого столика валяется золотой от господ. Найдешь – будет твой.

Берта радостно закивала и вылетела наружу.

Меня можно поздравить – Вышинский даже не споткнулся, уходя прочь. Книжки по концентрации работают! Рассчитываю, что после сегодняшнего он больше не покажется в моем заведении. Очень уж странно я реагирую на его появление.

Яна приехала из Лютни радостная, с подарками и новостями. Майя цветет, Пит носит ее на руках. Братья организовали небольшое предприятие по постройке загородных домов для столичных толстосумов, а его родители обожают новорожденную внучку. Мое предложение создать совместное предприятие по круглогодичному выращиванию свежих ягод в теплицах для кондитерской пришлось им по вкусу. Пит уже начал присматривать землю для постройки.

На выходных я отправилась на свидание с Андре. Правда, почему-то, когда собиралась, умудрилась обжечься щипцами и порвать подол платья, зацепившийся за косяк двери, но в общем и целом ничего страшного не

случилось. Интуиция предупреждала, что он мне не пара? Плевать! Ненавижу предсказуемость и не хочу безропотно следовать ее указкам. У меня есть своя голова на плечах. Ведьмовская удача помогала, но иногда нервировала до невозможности. Словно у меня не было собственного пути в жизни, словно для меня уже все предначертано и остается лишь идти по проложенной колее.

Мы посидели в уютном кафе, прогулялись по центральным улицам города. Андре рассказывал, что, когда он приехал в столицу, дворец еще строился, а улица Роз, по которой мы шли, насчитывала всего пять домов. Королева приказала заложить столицу на берегу реки, океан она не любила, боялась, наверное.

– До побережья день пути. Как-нибудь я вас свожу, – пообещал он. – Туда часто ездят дилижансы с туристами.

Вечером, сидя в сквере перед кондитерской, Андре потянулся губами ко мне, собираясь поцеловать. Я уже целовалась в своей жизни, но, во-первых, это было с сельским мальчишкой, а во-вторых, мне было двенадцать.

В небе гроыхнуло так, что с деревьев посыпались листья. Следом хлынул ливень, моментально вымочив нас до нитки. Андре, сдернув с себя сюртук, поднял его над моей головой и быстро повел в дом. Расстались мы на крыльце, скомканно и быстро. Внутри жгучей обидой ворочалось неудовлетворение. Надоело! Если так будет продолжаться, то я назло своей силе выйду за Андре замуж. Только бы ей насолить!

Глава 7

Меня очень интересовала любая информация о ведьмах. Ее было мало – ни в газетах, ни в столичных журналах давно не упоминалось об их существовании. Неужели действительно вымерли? Я старалась скрывать любопытство, но не всегда получалось – на мою просьбу дать что-нибудь почитать о ведьмах библиотекарь долго выпытывала, щуря глаза, зачем оно мне.

Я отшутилась, что люблю страшилки.

В итоге я получила две малюсенькие брошюрки с древними легендами то ли столетней, то ли двухсотлетней давности. Старь несусветная, но больше ничего не было. Пришлось брать, что дают. Страшилки реально пугали. В одной из книженций рассказывали истории о жутких деяниях моих предшественниц. Запомнились две истории.

В первой было написано о женщине, которая от великого горя стала ведьмой. Я даже ей посочувствовала, так история меня тронула. Одновременно на нее навалилась гора бед. Муж погиб в стычке – они жили на границе с Фраморой, родители умерли. Трое детей, мал мала меньше, голодали. Огород и весь урожай на нем уничтожили ранние заморозки. Зимой стало совсем худо. Женщина ходила по поселку, прося хоть какую-то работу за кусок хлеба, везде ее гнали прочь – самим нечего было есть. Соседи, друзья, родственники отвернулись. В итоге дети умерли от голода один за другим у нее на руках. У женщины помутился рассудок. Когда весной в поселок приехали купцы, то увидели пустые дома, наполненные гниющими трупами, и безумную ведьму, рассказывающую по улицам, шепчущую: «Я же говорила, что вы пожалеете».

Не осталось никого: ни детей, ни взрослых, ни стариков. Тридцать дворов вымерли от проклятия ведьмы.

Несчастную сумасшедшую арестовали, допросили и казнили.

От второй истории волосы зашевелились у меня на затылке. В центральное отделение столичной полиции поступил сигнал: в городке Равой стали пропадать дети. На тот момент пропало уже трое: пяти, семи и десяти лет. Пока приехал дознаватель с отрядом сыскарей, пропал еще один ребенок – совсем маленькая девочка. Ей было три. Мать на минутку вышла за ворота поздороваться с соседкой, а дочери со двора и след простыл. Никто ничего не видел.

Город был немаленький, поэтому на поиски похитителя ушло много времени. В конце концов, ее нашли. Как ведьма оказалась в городе и откуда пришла – осталось тайной. До допроса дело не дошло.

После, опрашивая соседей, выяснили, что полгода назад прилично одетая женщина сняла маленький домик на окраине и начала зарабатывать тем, что стирала и гладила белье. Тихая, кроткая, покладистая. Ни с кем не дружила, с

мужчинами не встречалась, в гости не звала и не ходила сама.

Соседка, напуганная происходящим в городке, набралась смелости и сообщила местному служителю порядка, что видела, как прачка вывешивала во дворе постиранные вещи, среди которых было детское платице розового цвета. Именно в подобное была одета последняя похищенная девочка.

Сыскари отправились по указанному адресу. Ведьма, увидев мужчин, сообразила быстро. Счет шел на секунды. Один из сыщиков выстрелил, но она успела перед смертью проклясть всех четверых. И все они погибли в разное время. Кто умер на следующий день, кто через месяц.

Когда жандармы вошли в дом, то в подвале обнаружили все пропавшие дети. Они застыли навечно за маленьким столиком в разных позах. Кто с игрушкой в руке, кто с высохшим куском пирога. Ведьма из них сделала кукол и рассадила кругом за жутким чаепитием. Что случилось и как она стала такой, никто не узнал. Тайну она унесла в могилу.

Тема убийства ведьм стала содержанием второй брошюры. Она называлась: «Как уморить ведьму». Оказывается, раньше это было проблемой. Много лет тому назад, в темные времена, ведьм казнили такие же смертники. Им обещали или деньги семье, или (если вдруг обойдется) послабление в наказании. Редко когда удавалось арестовать или убить ведьму без жертв. Проклятие настигало всех, кто приближался на расстояние взгляда.

Если эти истории правдивы, то я понимаю, почему нас все так ненавидят. Мы стихия, не поддающаяся управлению и контролю. Нас не остановят ни пули, ни тюрьмы, ни виселицы, ни костер. Ведь для проклятия нужна секунда, мгновенье. Любая ведьма, идущая на эшафот, успеет натворить море бед, ведь ей терять нечего. Может быть, поэтому ведьм и перестали казнить? А если и казнили, то быстро, издалека, стрелой, ядом или во сне?

Но одного я так и не поняла: кто дает женщинам эту великую силу? Почему у одних она есть, а у других нет? Ведь несчастных очень много, а ведьм единицы. Многие теряют мужей и детей, но не все становятся ведьмами. И почему стала ведьмой я?

Ничего не помню. Кусок жизни в восемь-десять лет стерся начисто. Как я ни силилась восстановить в памяти хоть что-то – лица матери, отца, бабушек, дедушек, мое окружение, дом, сад, кроватку, любимые игрушки. Пустота. Лишь помню ласковый голос Агаты. Красиво одетая женщина спрыгнула с лошади и взяла меня на руки. С этого момента я живу.

Глава 8

Стояла середина лета. Последние клиенты, пожилая супружеская пара, расплатились и покинули кондитерскую, когда солнце уже зашло за крыши домов. Я повесила табличку «Закррито» и вошла внутрь. Берта домывала пол, Яна за стойкой подсчитывала выручку за день. Я села за барную стойку и придвинула к себе записную книжку. Предстояло придумать украшение для свадебного торта. Молоденькая восторженная девушка, заказавшая его сегодня, очень просила, чтобы он был самым-самым, чтобы все гости ахнули, а все подружки завидовали. Обещала заплатить в двойном размере... Свадьба через три дня, успею.

Вдруг дверь распахнулась, и в зал вошел Андре. Я удивленно выгнула бровь. Не помню, чтобы у нас на сегодня была назначена встреча...

– Завтра вас двоих вызывают в управление, – похоронным тоном произнес он, протягивая мне конверт с красивой гербовой печатью в виде короны в углу, – на допрос к главе ведомства. Мне приказали доставить повестку и проводить.

Справа испуганно ахнула Яна, прижав ладонь к сердцу. Я осторожно взяла конверт, словно ядовитую змею, не зная, чего ожидать от главного дознавателя. Неужели он решил отомстить таким примитивным способом? Мелко и недостойно для наследного лорда пользоваться служебным положением.

Внутри конверта находился узкий плотный листок, более похожий на билет. Всего несколько строчек.

– Зачем на допрос? Мы ничего не сделали, – залепетала подруга севшим голосом.

– «Как свидетелей по делу архитектора Янковича», – прочитала я громко, обрывая стенания Яны, и добавила, скривившись: – Не переживай, быстро посетим сие почетное учреждение – и домой. Мы ни в чем не виноваты.

Но откуда он узнал? Кто проговорился?

– Да, не виноваты... – эхом повторила Яна.

Андре заметно расслабился. Неужели он боялся, что мы действительно что-то натворили?

– Будьте готовы завтра к восьми, я пришлю казенную карету, – Андре переминался с ноги на ногу, не торопясь уходить. Я не глядя кивнула, вновь принимаясь за эскиз. Через пару минут молчания он произнес:

– Ну, я пошел? – я удивленно подняла голову: он еще здесь?

Лицо начальника стражи странно скривилось – он понял, что я про него забыла. Уголок рта дернулся, Андре молча развернулся и направился на выход.

– Могла бы и угостить его чем-нибудь, – зашипела Яна, легонько толкая меня локтем. – Он смотрел на тебя, как побитая собака, пока ты рисовала. А... – она досадливо махнула рукой, – у тебя камень вместо сердца.

Я задумчиво наблюдала, как Яна быстро собрала в корзинку непроданные пирожки с капустой и мясом и побежала догонять Андре. Отметила мимоходом, что подруга принимает слишком большое участие в наших с ним отношениях. Внутри ничего не дернулось: ни жалости, ни сожаления, ни ревности... Все ведьмы такие бесчувственные или только я?

Здание сысского агентства вместе с тюрьмой находилось на одной улице с королевским дворцом, просто в разных концах. Дворец на юге, тюрьма на севере. Мы с Яной еще год назад бегали смотреть на огромное сооружение, где живет королева с наследным принцем. Оно было очень похожим на дворец в Выгребе. Такое же помпезное и величественное. Но если в Выгребе дворец дышал древностью, то Корнольский выглядел не очень удачной копией. Да еще и нелепой, ко всему прочему. На фоне маленьких низких домов, высотой не

более двух-трех этажей, которыми была застроена новая столица, дворец казался монстром, громадным и неуклюжим. На юге вообще не принято было строить дома выше деревьев, а деревья здесь были чахлыми и низкими.

Кстати, в строительстве принимал участие, в том числе, и печально известный Янкович, тогда еще молодой. Надеюсь, в подвалах дворца не замурованы ведьмы? Или архитектор слетел с катушек позже?

Да, до тюрьмы мы так и не дошли – слишком далеко.

«Теперь довезут», – мысленно хмыкнула я.

Яна с Андре одинаково стучали пятками по дну кареты и нервно кусали губы, словно мы ехали на казнь, а не на допрос. Мне нервничать было категорически нельзя, иначе неизвестно, чем это все закончится. Я закрыла глаза и постаралась отвлечься, прокручивая в голове то песенку о голубом небе, то эскиз будущего свадебного торта, то слова Агаты о том, что никто и никогда не увидит во мне ведьму, если я сама этого не захочу.

В деле архитектора-маньяка мы были жертвами. А то, что назвались ведьмами в поселке для получения работы, так за невинную ложь никто в тюрьму не садит. Пока, по крайней мере.

Андре оформил бумаги на входе, показав наши документы и «приглашения» к главному дознавателю. Несмотря на то, что ему нужно было ехать на работу, он нас уверил, что дождетя окончания допроса и отвезет домой. Грозного вида гвардеец в серой форме повел вверх. Лестница на второй этаж была длинной, и Яна успела три раза обернуться, чтобы найти Андре глазами.

– Успокойся, – шептала я ей, – мы ни в чем не виноваты.

– Прекратить разговоры! – рявкнул наш конвоир. – С этого момента никаких взаимных перешептываний.

Подружка дернулась и побледнела, я же только сильнее стиснула зубы. Работа, что ли, у них такая – пугать мирных граждан?

Яну вызвали первой. Она бросила на меня взгляд идущей на бойню жертвы и вошла в кабинет. Сквозь толстую дубовую дверь не проникало ни звука. За ней могли допрашивать, пытаться, убивать... слышно не было. Я некоторое время судорожно вслушивалась в тишину, потом перестала, удобнее уселась на жесткую лавку, стоящую у стены, закрыла глаза и приготовилась ждать. Гвардеец, приведший нас, остался стоять рядом, с каменным выражением лица.

Допрос занял немного времени. Яна вышла уже где-то минут через пятнадцать. Правда, ее щеки алели, и на глазах блестели слезы, но в общем и целом ее вид не вызывал опасений. Все обошлось?

– Спускайся к Андре, подождите меня вместе где-нибудь, – улыбнулась я и решительно шагнула в распахнутую дверь.

Оказалось, что за дверью располагалась маленькая приемная, без окон, с одним-единственным столом, за которым сидел хмурый седой мужчина. Он бросил на меня короткий злобный взгляд и буркнул:

– Проходите, не задерживайтесь, – было похоже, что меня уже записали в ярые преступницы.

Вышинский выглядел точно так же, как и в последнюю нашу встречу. Темный строгий сюртук без нашивок и украшений, хмурое выражение лица. Я, коротко поклонившись, уселась на одиноко стоящий стул в центре комнаты, не дожидаясь приглашения. «Как раз для допрашиваемых», – мысленно усмехнулась, поерзав на неудобном жестком сидении.

Некоторое время в кабинете стояла тишина. Если Вышинский специально тянул паузу, чтобы напугать или заставить признаться в том, чего я не совершала, то он просчитался. Десятилетняя практика держать лицо и скрывать эмоции пригодилась. Я спокойно рассматривала кабинет, медленно переводя взгляд от одной полки книг к другой. Могу еще квадратики на паркете пересчитать, времени у меня полно. А у вас, уважаемый начальник сысского ведомства?

– Расскажите, что произошло в Малинках, с того момента, как вы туда приехали, – наконец подал голос Вышинский. – И постарайтесь без эмоционального окраса, я уже потратил все салфетки на вашу подругу.

Последней фразы можно было и не говорить, ни одной слезинки от меня он не дождется. Я холодно и скупно рассказала о наших приключениях, не упустив ни произошедшего в таверне, ни обмана купца. Что скрывать, если Яна до меня рассказала то же самое? Да и не было обмана – крысы мы уничтожили, как и обещали. В процессе повествования видела, как лицо Вышинского приобретает кислое выражение. Неужели он надеялся подловить меня на чем-либо?

– Как вы пробрили стену? Когда я ее вскрыл, она была толщиной более полуметра, – вот и посыпались вопросы.

– Это нужно спросить у тех, кто нас замуровывал, – тут же ответила я ровно. – Руки у них явно были не из того места, откуда положено. Они просто не сумели замесить правильно раствор.

– А вы, значит, замесили правильно?

– Нам помогал Питер.

– Да, конечно... молодой архитектор, муж вашей подруги, – Вышинский пристально рассматривал меня в свете утреннего солнца, льющегося из окна. Сам он сидел спиной, и лицо утопало в тени. Хорошее расположение, что и говорить.

Ни Яна, ни Майя не могли знать, что на самом деле произошло со стеной. Надежда на то, что наемники подтвердят мою версию об их несостоятельности в строительном деле. А трое испуганных девиц перед лицом смерти способны и не на такие подвиги.

Молчание опять затягивалось. Я перевела взгляд на левую стену. Ее я еще не рассматривала. Вышинский, видя, что грозные паузы на меня не действуют, не стал тянуть с вопросами.

– Вам не кажется, что вам несказанно везло?

Я удивленно перевела взгляд на мужчину.

Он принялся загибать пальцы.

– Маленькую девочку нашли одну в лесу, – начал говорить он, и я вдруг осознала, что допрос об архитекторе плавно перешел на личности, точнее на одну личность – меня. – Вы не умели ни читать, ни писать, ни говорить на нашем языке. Леди Яковецкая взяла вас в свой дом, кормила, одевала, учила. Зарегистрировала вам документы на имя Милены Яковецкой, дав свою знаменитую фамилию... – откуда он столько знает обо мне? Странно и подозрительно... – Покойная леди, наверное, единственная женщина в королевстве, которая была способна на такой щедрый жест.

На моем лице не дрогнул ни единый мускул. Я лишь слегка передернула плечами.

– Лорд Яковецкий выгнал вас из дома после смерти матери, – продолжал загибать пальцы дознаватель, – но для вас, Милены Яковецкой, это стало скорее благом, чем злом... – благом? Я насмешливо выгнула бровь, вспоминая, как меня выпроваживали из единственного дома, который я знала, великовозрастные детки, дав забрать лишь минимум личных вещей. – Иначе вы бы остались жить там, в поселке.

Я мысленно удивилась его объяснению. А ведь, действительно, осталась бы и жила там до сих пор. Если бы сыновья Агаты не выгнали меня, отдали завещанный матерью дом, я бы ни за что не поехала в столицу. А путешествие в Корнол многому меня научило, общению с людьми в том числе. Последние годы я ни с кем не поддерживала отношений, кроме Агаты и ее немногочисленных слуг, была чрезмерно замкнутой и робкой. А так хотя бы научилась приспособливаться, разговаривать с незнакомцами, ладить со случайными коллегами по кухне. Немного врать, немного хитрить.

– И пусть наше королевство считается мирным и благополучным, – продолжал Вышинский, – но разбойники и прочий лихой люд еще промышляют на дорогах. А вы добрались до Корнула без каких-либо происшествий. Одинокая молодая девушка, – он на мгновение запнулся и сквозь зубы уточнил: – Очень красивая девушка. Беззащитная, неопытная. Вас никто не ограбил, не убил, у вас всегда были деньги на еду и постоялый двор.

– Конечно... без происшествий... – фыркнула насмешливо я, не понимая, куда же он ведет и что пытается мне доказать. О том, что он назвал меня красавицей, я старалась не думать. Возможно, это был какой-то дознавательский трюк.

– Ах да... мой замок... – Вышинский закинул ногу на ногу, откидываясь на спинку удобного кресла. – Незначительная досадная мелочь. В итоге вы удачно выбрались оттуда и даже приобрели полезного друга – добряка Питера, будущего мужа вашей подруги и будущего партнера вашей кондитерской.

Он даже об этом знает?! Я мысленно ахнула – наследный лорд разузнал о каждом моем шаге на пути в столицу. В курсе будущих проектов и планов. Настойчивый малый. Вот только зачем ему это?

– Затем... вы прибываете в Корнол и на следующий же день удачно находите работу в маленькой кондитерской, пришедшей в упадок. А через год вы уже владелица процветающего кафе. Несказанное везение, не так ли?

– Это преступление? – произнесла холодно.

– Нет, но подобным везением обладают лишь ведьмы, – ответил Вышинский веско, пристально глядя в глаза.

Я похолодела. Вот мы и добрались до сути допроса. В животе образовалась неприятная тяжесть, кожа покрылась мурашками. Значит, архитектор был лишь предлогом? Вот что его действительно интересует: ведьма я или нет?

– Подобным везением обладают все, кто упорно трудится, – сквозь зубы отрезала я, – кто не боится тяжело работать, кто следует заветам Двуликого. Вместо того чтобы наказать архитектора-маньяка, вы обвиняете меня... в чем? – я безрадостно хрипло рассмеялась. – Что мне везет? Что я не умерла в застенках вашего замка? Вы, главный законник королевства?

С каждым моим словом Вышинский мрачнел все больше. Я пока держала себя в руках, но нужно срочно завязывать с допросом, иначе, боюсь, не сдержусь. И на голову наследному лорду свалится тяжелая перекладина с портьерами. Или еще что случится... Тогда у него не останется сомнений, ведьма я или нет.

Я решительно встала.

– Если у вас все, милорд, то я пойду... Дела, знаете ли...

– Сядьте! – рявкнул Вышинский. – Допрос еще не закончен!

Осторожно, словно внутри меня наполненный до краев стакан с водой, я уселась на краешек стула, сжимая кулаки и впиваясь ногтями в кожу ладони. Ты спокойна, Мили, ты совершенно спокойна. Голубое небо, голубые глазки...

Вышинский отвернулся к стене и бездумно уставился на висящую картину с изображением покойного короля Михаэля десятого, почившего супруга королевы и отца наследного принца. Желваки перекатывались на точеных, гладко выбритых скулах.

– Вы не такая, как обычные горожане, обыватели или служки, – словно через силу начал говорить он, все еще не глядя на меня, – не такая, как ваша подруга Яна Вишневая. Она вела себя на допросе адекватно. Правильно реагировала на полицейские методы, нервничала, отвечая на вопросы, несколько раз расплакалась. Она явно меня боялась или всей этой ситуации. Но вы...

– То есть вы хотели, чтобы я плакала? – уже совершенно спокойно улыбнулась я. – Странные у вас желания, налорд.

Я специально использовала престонародный титул, подчеркивая свое плебейское происхождение. Вышинский едва заметно поморщился.

– Не перевирайте мои слова, – мужчина повернул голову, и наши глаза встретились. Внутри меня что-то дрогнуло, от страха, наверное. – Я не это хотел сказать. Вы ведете себя так, словно ничего не боитесь. Вы абсолютно уверены в себе. Словно вы как минимум высокородная дама, а максимум – королева, – он немного помолчал, подбирая слова. – Но вы – бедная сирота, которую пригрела из жалости благодетельница, значит, ваше поведение основывается на чем-то другом...

Я иронично приподняла бровь, приглашая его продолжать фантазировать на мой счет.

– Вы знаете, что произойдет, поэтому не переживаете, – победно закончил он.

– То есть вы хотите сказать, что я знаю будущее?! – вот сейчас мне действительно стало смешно. – Тогда бы я не остановилась в Малинках, обошла вашу стройку дальней стороной и никогда бы не подошла к вашему столу в кондитерской, а вдруг вы меня раскроете! – я театрально всплеснула руками. Дурашливость помогала лучше, чем песенка про небо, которую я уже истерла до дыр за сегодняшнее утро. Гораздо лучше смеяться, чем злиться.

– Нет, вы не знаете будущего, это даже ведьмам не под силу. Но очень уверены в себе, – буркнул Вышинский, не реагируя на мое веселье.

Откуда он так много знает о ведьмах? Тоже интересовался этим вопросом? Допускаю, что библиотека во дворце гораздо богаче, чем общественная. Но все равно его интерес выглядит слишком подозрительно.

Я села ровнее, не отрывая насмешливого взгляда от лица наследного лорда. Поздно прятать ум, никто уже не поверит, что я забитая неграмотная крестьянка.

– Вам не кажется, что ваши доводы высосаны из пальца? Успех в делах, уверенность, образование, правильная речь? Теперь это грехи? – я немного помолчала. – Мне смешно вас слушать, налорд. Я до сих пор не понимаю, к чему этот допрос? Вы пытаетесь убедить меня в том, что я ведьма? Если бы это было так, наверное, я бы знала об этом?

Пора заканчивать этот балаган. Было ясно, что у главного дознавателя нет никаких доказательств, одни домыслы и предположения. Молчание затягивалось, мы сцепились глазами, словно играя в игру – кто кого пересмотрит. Ни он не уступал, ни я. Допускаю, что в силу своей должности Вышинский должен искуснее владеть собой, он старше и опытнее. Но на моей стороне правда и ведьмовское чутье, а оно мне говорило, что сегодня, здесь, в этом кабинете, мне ничегошеньки не грозит. Взгляд главного дознавателя почему-то волновал. Двоякое чувство: хотелось сбежать отсюда сломя голову или же сидеть напротив как можно дольше, всматриваясь в темные бездонные глаза.

За дверью послышался шум, кто-то вошел в приемную. Вышинский на мгновение перевел взгляд за мою спину, и я очнулась от наваждения. Изящно встала и присела в коротком поклоне. Сделала к выходу короткий шаг, другой –

наследный лорд меня не остановил. И уже у двери остановилась и произнесла с очаровательной улыбкой:

– Мне интересно лишь одно: зачем вы с таким упорством ищете ведьму, что тащите на допрос обычных мирных граждан? – на слове «обычных» Вышинский едва заметно дернул краешком губ. – Это сейчас преступление – быть ведьмой?

– Всего хорошего, госпожа Милена Яковецкая, – холодно произнес мужчина, – вас проводят.

Пожав плечами, я отвернулась и выскользнула за дверь.

Андре с Яной я нашла в кафе на другой стороне улицы. Они сидели рядышком и о чем-то тихо разговаривали, склонив друг к другу головы. Увидев, как я вышла из здания, Андре вскочил и бросился ко мне, попытавшись обнять, но я ловко вывернулась из его рук.

– Почему так долго? – обеспокоенно поинтересовалась подошедшая Яна. – Мы ждали тебя почти час.

– Пустое, – небрежно отмахнулась, – у дознавателя появились дополнительные вопросы.

Не буду же им говорить, что разговор об архитекторе занял пять минут, а все остальное время Вышинский пытался заставить меня признаться в том, в чем я категорически признаваться не желала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/plen_aleksandra/poslednee-zhelanie-ved-my

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)